

*Самые великие шедевры революции —
это люди, которых она производит.*

РОМЕН РОЛЛАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
Starring / В главных ролях	21
Глава 1 Клуш.....	27
Глава 2 Аида	49
Глава 3 Литейная.....	73
Глава 4 Каретка	87
Глава 5 Валюта	109
Глава 6 Лапландия.....	127
Глава 7 Мавритания	139
Глава 8 Виток	177
Глава 9 Майор.....	205
Глава 10 Приданое	219
Глава 11 Шарнаш.....	241
Глава 12 Глициния.....	287
Глава 13 Омбудсмен	311

Глава 14	Луна.....	351
Глава 15	Господь сокрушает кедры	387
Эпилог.....		407
Источники.....		417
Краткая библиография		445
Благодарности		447

ПРОЛОГ

Есть известный анекдот*: перед первым полетом в космос NASA потратило 18 миллионов долларов на создание письменных принадлежностей, которые будут работать в условиях невесомости.

— А у вас что? — как-то спросили они своих русских противников, которых этот вопрос несколько ошарашил.

— А у нас простые карандаши, — ответили русские**^[1].

Западная цивилизация предложила остальному миру много дорого экипированных, сексапильных и воплощающих демократические ценности супергероев — в диапазоне от Нила Армстронга до Люка Скайуокера. Всякий их маленький шаг непременно оказывался гигантским скачком для всего человечества, именно с ними пребывала Сила — и что бы они там себе ни произносили, хоть “Их бин айн берлинер”, хоть “Обожаю запах напалма по утрам”, никто не сомневался, что подразумевалось всегда одно и то же: “Я король мира!” Россия имела репутацию Мордора, производила на свет множество одиозных личностей, а вот со свободно конвертируемыми супергероями дела здесь обстояли далеко не блестяще. Был, в сущности, всего один — вечно рот до ушей,

* Настолько бородатый, что герой этой книги, сам заядлый анекдотчик, наверняка отрезал бы за него автору — он имел обыкновение так поступать — галстук до самого узла. — *Прим. автора здесь и далее, если не указано иного.*

** Цифры в скобках отсылают читателя к разделу “Источники” в конце книги.

автор куцега афоризма “Поехали!” — незнамо кто, невесть какой, неведомо куда; но, странное дело, именно он, живой и светящийся, оказался более популярным, чем “Битлз”, Мэрилин Монро и Че Гевара. Никакие “рейтинги”, “результаты опросов” и “данные о количестве проданных экземпляров” не могут передать глубины того “океана человеческого преклонения”, в который Юрий Алексеевич Гагарин погрузился после возвращения из космоса.

Простой карандаш. Та же идея.

Такой же очевидной и незатейливой, как простой карандаш, кажется история жизни “Колумба Вселенной”. Вытянул счастливый билет — слетал — стал героем.

Общераспространенное представление о Гагарине сформировано советской пропагандой — манипуляционной системой, печально известной своими успехами в деле искажения информации. Образ Гагарина был имплантирован в наше сознание в виде огромного бронзового монумента кому-то, кто является идеальным образцом национального характера и воплощением всех мыслимых советских мужских добродетелей. Со временем — и в силу известных исторических событий — памятник малость подрастерял свою былую привлекательность; кое-какие изречения на постаменте кажутся сегодня слишком наивными, кое-какие — чересчур патетическими; кроме того, мы видим, что голова и плечи статуи сильно загажены интернет-голубыми: прогуглите словосочетание “Юрий Гагарин”, и вас тотчас же известят, что обладатель этого имени — величайший за всю историю блеф СССР, что на самом деле он не летал в космос — ну или летал, но никоим образом не был первым. Пронзительное “знаете, каким он парнем был” переплавилось в ехидное “был тут один такой товарищ”. Жирную подпитку для самых диких слухов дают не только события 12 апреля 1961 года, но и последовавшая семь лет спустя загадочная — так и не получившая общепризнанного объяснения — смерть Гагарина.

Никакой окончательной версии того, кто или что стало причиной этой авиакатастрофы, нет — нет, соответственно, и общественного консенсуса. Что объединяет нацию — так это горечь из-за осознания упущенного в тот момент шанса — поэтому когда видишь на заборе граффити “Юра, мы все <прохлопали>, прости нас”, — то и фамилии-то для этого Юры не нужно, всем ясно, о ком — да и о чем тоже — речь. И даже

когда надпись выглядит как “Юра, мы все исправим”, есть и такой вариант, в ней нет ни тени озорного ресентимента в духе “можем повторить”. Это точно не угроза; скорее обещание — в обмен на возможность верить. Что в его гибели был какой-то смысл, что он не “разбился” — случайно, как хрустальный фужер, а “уплыл”, в неизведанное враждебное пространство; как Клуни в “Гравитации”.

Что касается нашего интуитивного — не зависящего ни от пропаганды, ни от интернет-“отзывов” — представления о том, что за человек был первый космонавт, то оно, скорее всего, основывается на таком явлении, как “улыбка Гагарина”. Улыбка, знак не то открытости, искренности и дружелюбия, не то гибридной агрессии*, была его визитной карточкой: “солнечный парень”^[2] / “космонавт, который не смог перестать улыбаться”^[11]. Однако правда ли, что Гагарин и пресловутая “улыбка Гагарина” — одно и то же? По сути, это явление, давно уже существующее и функционирующее отдельно от него — того же рода, что “улыбка Чеширского кота”, “улыбка Джоконды” или “улыбка Джокера”.

Кто на самом деле был этот наш “простой карандаш”?

Тайный честолюбец, упивавшийся мечтами о первенстве во всем, советский Жюльен Сорель, сконцентрировавшийся на достижении общественного положения — и, за счет колоссальных энергетических затрат, добившийся чаемого?

Или, возможно, руссоистский тип — естественное, не испорченное книжной культурой существо; ладный да складный, фото- и телегеничный, однако посредственно образованный и вообще не семи пядей во лбу пацан, у которого, пожалуй, лучше, чем у прочих, получалось

* Если верить толкованию современного исследователя, гэдээровские избиратели воспринимали улыбку человека, явившегося к ним из космоса (речь идет о гагаринско-терешковском “Йури-Валйя-Фройндшафт”-туре в ГДР на выборы в 1963-м — агитировать за “наш” “Национальный фронт”), как подобие рентгеновского луча, который проникает в их “политическое мнение” — и делает их тела прозрачными для контроля со стороны “Национального фронта”. Те, кто не выберет “Национальный фронт”, по сути, откажутся от дружбы Юрия — что просто немыслимо, поскольку приведет их к тотальной десоциализации^[15]. Фигура Гагарина как “улыбающегося Друга” выглядит в этом контексте крайне злобшей. И, если уж на то пошло, фраза Терешковой, которая находилась в Карл-Маркс-Штадте, в адрес Гагарина, который был в Эрфурте, по телемосту — “Товарищ Гагарин, почему не улыбаетесь?” — звучит вовсе не как шутка, а как окрик: “Оружие, к бою!”

скалить зубы, когда ему показывают глобус без Америки^[13], да по-деревенски аплодировать в ответ на аплодисменты; иными словами, “такой себе один из Шариковых этого мира — дворняга”^[3]?

Или же правильнее будет отнести Гагарина к типу, описанному Толстым: “каратаевскому”, “олицетворению всего русского, доброго, круглого...”^[4]; воспринимать его как “народного философа”, чья жизненная стратегия может быть передана формулой “не нашим умом, а божьим судом”? И раз так, не есть ли жизнь Гагарина просто уникальное приключение одной из составляющих земной глобус капель, приснившихся Пьеру Безухову, — капли, которая не просто вышла на поверхность, чтобы разлиться там пошире и в наибольшем размере отразить Бога, но вдруг, вопреки законам гравитации и божественного круговращения, в стремлении максимально приблизиться к свету, нашла в себе силы выпрыгнуть на полтора часа из этого живого глобуса — и затем, отразив Его в большей мере, чем любое из когда-либо живших на Земле существ, опять вернулась, слилась со всеми и, как все, устремилась, когда пришло время, к центру?

Или же ключ к Гагарину — его военная форма: кшатрийская натура*, человек длинной воли — происходящий из самых низов, родившийся в темном углу истории — и сумевший, за счет феноменально сильного, величественного характера, преодолеть судьбу, намотать кишки истории себе на запястье?

Или же он был чрезвычайно, что называется, юркий, предприимчивый тип, продавец от бога, с развитыми гораздо выше среднего коммуникативными способностями, виртуозно пользовавшийся своей обаятельной улыбкой — а когда надо, так и пачкой собственных фотографий, которые носил во внутреннем кармане кителя и подмахивал залихватскими автографами — вроде “И на Марсе будут яблони цвести... Ю. Г.”; тип по сути совершенно не творческий, но относящийся, по классификации Гладуэлла^[5], к “объединителям”: разносчик социальных вирусов, спровоцировавший в обществе эпидемию энтузиазма?

Что вообще у него было в голове? Почему, при росте 165, единственный спорт, который он с упорством осваивал на протяжении всей жизни, был баскетбол?*

* Кшатрии — каста воинов в Индии; люди, у которых импульс мужества превышает чувство самосохранения. — *Прим. ред.*

** Из рассекреченного в 2022 году личного дела Гагарина стало известно, что уже к середине 1950-х у него был не только второй спортивный разряд, но и первая судейская категория.

Почему некоторые близкие знакомые описывали его вовсе не как жизнерадостного сангвиника, а скорее меланхолика, чуть ли не Пьеро — ценившего поэзию, тишину и философию?

Как он умудрился убедить начальство усадить в “Восток” именно себя — если за месяц до 12 апреля у него случился гнойный гайморит, который лечили антибиотиками, с проколами и пункциями^[14]?

Что означает странный эпизод с “ташкентским ужасом” — когда в 1963-м, на “слете молодых тружеников”, Гагарин лег спать в темной комнате и проснулся от того, что на него спикировали сотни летучих мышей, которые вцеплялись в его простыню, в волосы, в тело; напуганный, голый, он стал орать, выскочил за дверь — и попытался рассказать друзьям о тьме жутких тварей, атаковавших его. Но комната была плотно заперта, какие еще мыши? “Простой советский парень”, говорите? “Везунчик”? Мистер “Банк-Ошибся-В-Вашу-Пользу”? Не обошелся ли ему полет чуть дороже, чем он сам потом рассказывал, не был ли этот момент экзистенциального ужаса рентгеновским снимком его души, атакованной демонами?

Памятник явно пора отчистить — а заодно показать, что у истукана был оригинал — который, похоже, существенно отличался от монументального образа.

Но с какой стати нам проявлять интерес к его биографии? Какой урок можно извлечь из нее? Какую такую идею за ней увидеть? Не идем ли мы на поводу у большинства, не становимся ли жертвами магии больших чисел — раз ему аплодировали миллионы людей, значит, он в самом деле был уникальной личностью?

Или грубее: если некий объект пользуется несомненным рыночным спросом — значит ли это, что он в самом деле обладает некой художественной (в данном случае — *sub specie aeternitatis**) ценностью? Или Гагарин как самостоятельная биографическая единица — то же, что херстовское чучело акулы за 12 миллионов долларов: курьез на вид и мошенничество по сути?

Ну да, он первым побывал там, куда никто не совал нос, и углядел там нечто такое, что никто до него не видывал, — нечто, предположительно, очень важное. Однако очевидно ведь, что “первый” и “лучший” совершенно не одно и то же. Владимир Джанибеков, вручную, без

* С точки зрения вечности (*лат.*). — *Прим. ред.*

подсказок пристыковавший корабль к мертвой, неуправляемой станции “Салют-7”, был безусловно более искусным пилотом, чем Гагарин. Инженер-конструктор Константин Феоктистов был гораздо более компетентным в том, что касается устройства корабля, его возможностей и ограничений. Валерий Поляков, просидевший в космосе 437 суток безвылазно, был более выносливым, работоспособным и самоотверженным, и вообще такого рода пребывание на орбите в качестве подвига выглядит гораздо более внушительно, чем полторачасовой пикник. Совершавшие суборбитальные полеты летчики-испытатели, вроде друзей Гагарина — Мосолова, Гарнаева, Ю. Быкова, Гридунова, были более квалифицированными — и, наверное, еще более смелыми, чем Гагарин, авиаторами. Да чего уж далеко ходить: все гагаринские рекорды были меньше чем через полгода вчистую побиты его собственным дублером Титовым — который летал дольше, дальше, опаснее; и именно Титов, а не Гагарин “был первым, кто доказал, что в космосе можно работать”^[7] и что у пилотируемой космонавтики больше перспектив, чем у автоматической.

Правда ли, что нам нужно иметь представление о биографии человека, который, формально, всего лишь дал согласие — осознанно оценив риски, зная об ожидающем его вознаграждении, взвесив все за и против, без какого-либо принуждения, — проверить на себе созданную кем-то еще технологию? Мало ли что на ком испытывали. Почему бы нам не написать биографию человека, на котором тестировали пенициллин, или — еще более уместный пример — жизнеописание пилота Гарольда Грэма, который 20 апреля 1961 года, буквально через неделю после полета Гагарина, успешно испытал на себе ранец с ракетным двигателем: взлетел на высоту примерно 1,2 метра и плавно полетел вперед. Весь полет продолжался 13 секунд — но был чрезвычайно рискованным предприятием и выглядел даже более эффектно, чем полет “Востока-1”: Гарри Поттер, волшебство в чистом виде. В чем разница между Гагариным и Грэмом?

Почему один останется курьезом из Википедии, а другой — неиссякающим источником магнетизма?

Только в эмоциях. Про одного мы всего лишь знаем, в другого — еще и верим.

Не случайно провинциальные музеи, посвященные Гагарину, производят впечатление индуистских святилищ: самодельные, потертые, пестрые, намоленные; тот, кто воплотил в себе триумф технологий,

репрезентируется здесь через пожелтевшие вырезки из газет, скульптуры из пластилина, пластиковые цветы и акварельки в барочных рамах.

Выглядит неправдоподобно — но мы все равно верим.

Почему?

Потому что нациям тоже нужна хорошая, успешная кредитная история, и нам так выгоднее — верить, что Гагарин правда сделал: сам, что-то особенное; но в душе мы вроде как знаем, что он был никто, “пассажир”, “живые консервы” — и, если бы к сиденью в “Востоке” пристегнули еще кого-нибудь, мировая история не изменилась бы ни на йоту? Так? Как, то есть, с Дедом Морозом: и родители, и дети делают вид, будто верят в него, и это продолжается год за годом — всем выгодно, все довольны?^[16] Так? В глаза смотреть!

Однако даже и “мы” — которые “все” и которые “все вроде как” — при ближайшем рассмотрении оказываются антагонистами.

Некоторые “мы” отказываются соблюдать неписанный социальный контракт о вере в Гагарина. Фигура первого космонавта для них — род тоталитарного китча, образец плохого советского дизайна — такого плохого, что, пожалуй, уже даже и хорошего. Помимо презрения — “полезный идиот”, сначала позволивший советской власти экспериментировать над собой, как той вздумается, а затем превратившийся в говорящую куклу, которая по бумажке тараторит клишированную галиматью, — Гагарин вызывает у них и раздражение: не просто сотрудничал, но еще и способствовал оболваниванию людей и, косвенным образом, укреплению кровавого коммунистического режима. Все эти “советские” достижения — в любом случае зло, потому что запускать в космос начиненные электроникой корабли, не обеспечив прежде население детским питанием и обувью, — аморально; зло — да еще и туфта, потому что все равно у американцев выйдет лучше, и вообще что такое Гагарин со своими жалкими полутора часами орбитального полета против Нила Армстронга, прогулявшегося по Луне.

Ну да: кому нужен простой карандаш, когда есть ручка за 18 миллионов долларов.

Для тех “мы”, кто соблюдает контракт, но делает это “по расчету”, рассуждая не как обыватель, а как носитель “исторического” сознания, Гагарин — фигура, являющаяся моральным оправданием

и свидетельством исторической целесообразности советского — да, крайне бесчеловечного в практическом воплощении — утопического проекта. Присказка “Зато мы делаем ракеты” — это ведь не только про бахвальство: именно ВПК — да, раздутый, да, высасывавший дефицитные ресурсы, да, душивший рост потребления — обеспечивал огромному количеству людей рабочие места, зарплату и социальные блага. Оправданием, а еще подтверждением если не “нормальности”, то естественности “советского проекта” — раз уж тот оказался в состоянии дать здоровое потомство; в том, что Гагарин — с его очевидно “здоровыми” — прямо-таки рифеншталевскими — генами полностью подходит под это определение, никто не сомневается; кушай кашку, будь здоров, как Гагарин и Титов — ну, вы помните.

Наконец, для тех “мы”, для которых самое ценное — романтическая эмоция, Гагарин — ангел, позволивший человечеству пережить прекрасное мгновение — когда все вдруг стали думать не о деньгах и карьере, а о звездах и о космосе как потенциальном рас; воплощение *glamour of space** — и одновременно синтеза Человека, Машины и Государства; икона, короче говоря, — тем более абсолютная в эпоху, когда космос стал гораздо более недостижимым, чем это казалось в шестидесятые; какие там каникулы на Луне, какие там яблони на Марсе, какое там Великое Кольцо^[6]; хорошо если за весь XXI век кто-то осуществит то, что планировалось Королевым сделать году к 1975-му**.

* Магия космоса (*англ.*). — *Прим. ред.*

** Химически чистый образец раннего “диссидентского” нарратива находим, например, в дневниках литературоведа Р. Г. Назирова — в частности, в записи за 1963 год. “Космонавт № 1 — негодяй. Юрий Гагарин — пьяница, болтун, хвостун и бабник. Хотя жена бьет его, он все же не пропускает ни одной хорошенькой девушки. Бровь ему рассекли в пьяной драке из-за женщины. Но все это ерунда, а главное он — доносчик, подлец с политическим оттенком. Он служил в северной авиации: ночные полеты, вьюги, метели, очень часто люди гибнут. Он сказал друзьям, когда в авиации начали набирать космонавтов: «Не все равно, где погибать? Там хоть со славы погибнешь!» И подал заявление. С первого же момента он начал пробиваться, делать карьеру. Во что бы то ни стало он решил полететь первым и не стеснялся в средствах. Всех соперников он убрал с дороги посредством доносов. И полетел первым. В среде космонавтов его не любят”^[10].

Как формировалась “романтическая” версия истории Гагарина, можно понять по байке, которую рассказал автору австрийский писатель и политический активист Вальтер Фамлер: “В детстве у меня была куча игрушечных жестяных

Даже простой карандаш, как видите, на поверку может оказаться чрезвычайно сложным предметом.

Очень-очень простой очень-очень сложный карандаш.

Был такой американский экономист и политик Леонард Рид; иногда он обращался к литературному творчеству и однажды сочинил знаменитое эссе, которое называлось “Я, Карандаш”^[8]. Написанное от имени карандаша (“Я — графитовый карандаш. Обыкновенный деревянный карандаш, меня знают все мальчики, девочки и взрослые — кто умеет читать и писать”), оно стало классикой потому, что в нем иллюстрируется идея пользы, которую приносит обществу работа “невидимой руки рынка”. Мы, однако, вспомнили его совсем по другому поводу. До того как сделать свои либертарианские выводы, Рид показывает, что простой карандаш только кажется простым, а на самом деле достоин восхищения и благоговения; он скрывает в себе важную тайну и, если проследить его генеалогию, может преподать нам серьезный урок.

“Простой, говорите? Но только вот ни одна душа на всем белом свете не знает, как меня делают. Фантастика, вам не кажется? Особо-бенно когда понимаешь, что в мире ежегодно выпускают несколько миллиардов нашего брата. Возьмите меня в руки, рассмотрите хорошенько. Что вы видите? Ничего особенного: немного дерева, лак, маркировка, графитовый стержень, чуть-чуть металла и ластик”. Дальше Рид детально отслеживает процесс производства простого карандаша. Он объясняет, что прежде всего нужно спилить дерево и доставить его на фабрику — а для этого сначала требуется сделать пилу и грузовики.

“Подумайте, сколько людей, представляющих бессчетное множество разных профессий, задействовано в этом процессе! Представьте

насовских ракет; японский электрический космический корабль с американским гербом и надписью «U.S.A.F. — GEMINI X5» до сих пор стоит у меня на полке. А еще я помню, как отец разбудил нас, детей, ночью, когда происходила высадка на Луну — не пропускать же это «всемирно-историческое» событие. И мы, сонные, стали смотреть его по черно-белому телевизору. Когда «Аполлон» наконец прилунился и Нил Армстронг сделал первые шаги, мой отец выдернул штекер из розетки и сказал: «Ну вот что, ребята. Похоже, американцы таки высадились на Луну, но я вам должен сказать одну важную вещь: первый человек в космосе был советско-русский — и звали его Юрий Гагарин». И вот этот урок я запомнил на всю жизнь”.

себе, как добывали руду, как выплавляли сталь и превращали ее в пилы, топоры, моторы... представьте себе поселения лесорубов, их спальни и... столовые, а еще — готовку и то, откуда взялись продукты...” И ведь добыча дерева — только начало процесса, дальше будут лесопильный завод, сушильные печи, краска, лак, графит, глина, связующие вещества...

“В моем создании участвовали миллионы людей, и мало кто из них о чем-либо подозревал”. Каждый, от цейлонского шахтера, добывшего графит для производства грифеля, до президента карандашной фабрики, вложил в производство простого карандаша крошечную толику своего знания, использовал свое ноу-хау.

Таким образом, чтобы создать обыкновенный простой карандаш, нужно, чтобы объединились в одно целое созидательные импульсы миллионов людей, чтобы “миллионы ноу-хау” смогли взаимодействовать между собой.

Мы привыкли к “простому советскому парню” Гагарину и воспринимаем его примерно так же, как простой карандаш — нечто банальное, само собой разумеющееся, оказавшееся нашим, в общем, случайно, по счастливому стечению обстоятельств.

Мы бы хотели показать в своей книге, что это заблуждение.

Гагарин — “такой простой на вид” — был невероятно сложным продуктом кооперации миллионов воли и миллионов знаний, которые таинственным образом вступили в творческое и производственное взаимодействие; его биография — это миллионы биографий, сложившихся в одно целое; узнав об обстоятельствах его жизни, мы сможем многое понять о свойствах и амбициях, мечтах и надеждах целого народа, который, в силу каких-то причин, на протяжении некоторого времени вел себя в экономическом смысле иррационально, очевидно, в ущерб своим имущественным интересам; который стремился не к адам-смитовскому “богатству”, благосостоянию, а к тому, чтобы выполнить некую более значительную миссию — сыграть ключевую роль в мировой истории и решить задачу преодоления смерти^[9]; ради этого они, миллионы воли, объединили свои усилия — и добились своего: произвели этот “простой карандаш”.

Гагарина.

Он “наш” — не только в смысле “один из нас”, “свой” и “такой же, как мы”.

Он “принадлежит нам” — и сам факт коллективного владения этим простым карандашом накладывает отпечаток на самоидентификацию хозяев и их социальные практики.

Из случайно оказавшихся рядом “соседей по участку” они превращаются в “воображаемое сообщество” людей, которые совместно распоряжаются процентами с доставшегося им символического капитала — и доверяют друг другу воспитывать детей так, чтобы, прежде чем повзрослеть и стать “нормальными”, те обязательно успели услышать рассказ про простой карандаш.

Простой карандаш, которым были размечены контуры рисунка будущего — яркого, переливающегося всеми цветами радуги.

Простой карандаш, которым русские навсегда вписали себя в историю человечества — и черкнули себе на добрую долгую заветное словцо, по которому свои узнают своих.

Простой карандаш, который слишком быстро выскользнул из рук и улетел куда-то; безвозвратно.

И ничего в истории этого карандаша не было случайным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru